

И.Д. Кириенков

В. Набоков и М. Зощенко: стилистические маски и автобиографические стратегии

Аннотация: В статье выдвигается гипотеза о возможности сопоставления произведений Владимира Набокова и Михаила Зощенко по меньшей мере в двух ракурсах. Несмотря на существенные различия между их творческими манерами, оба автора пользовались стилистическими масками. Если Набокову такой камуфляж позволял скрываться за фигурой своего представителя – протагониста-художника – и внедряться в текст только на правах «антропоморфного божества», то Зощенко, желая освежить русскую литературную традицию, испытывал интерес к новым, «народным» голосам, прорезавшимся после революции 1917 года. Оба писателя создали автобиографические нарративы, претендующие на статус творческого метакомментария, – «Другие берега» и «Перед восходом солнца». При этом стратегии истолкования смысла жизни и творчества у них, по сути, противоположны: в то время как Набоков уповал на исключительно творческое осмысление собственной судьбы, выстраивающейся по законам искусства, Зощенко делал ставку на научное – точнее, психофизиологическое – истолкование своего прошлого. На наш взгляд, эти подходы характеризуют не только эстетические установки двух конкретных писателей, но и специфику русской и мировой литературы XX в. вообще и, в частности, ее взаимоотношения с концепциями из смежных областей знания.

Ключевые слова: Набоков, Зощенко, автобиография, чужое слово, стилистическая маска, «Другие берега», «Перед восходом солнца»

Abstract: The basic hypothesis of the paper is that the works of V. Nabokov and M. Zoshchenko might be compared at least from two perspectives. Albeit being completely different in terms of writing techniques both authors used certain stylistic masks. Nabokov considered such camouflage as a means of hiding his true identity behind the figure of his representative – a gifted protagonist – and infiltrated into the text only as an “anthropomorphic god”. Zoshchenko tried to refresh Russian literary tradition and was deeply interested in new “folk” voices that cropped out after the Revolution of 1917. Above all, both writers created autobiographical narratives with strong metaliterary undercurrent (‘Other Shores’ and ‘Before Sunrise’). In order to reveal the meaning of their lives, the authors referred to fundamentally opposite strategies. While Nabokov counted on exclusively creative comprehension of his fate that was organized as a piece of art, Zoschenko believed in scientific, i. e. psychophysiological, methods of self-interpretation. We assume that these approaches

are significant not only for these writers be regarded as the hallmarks of Russian and World literature of the 20th century – in its interference with the concepts from related fields of knowledge.

Key words: Nabokov, Zoshchenko, autobiography, alien word, stylistic mask; ‘Other Shores’ and ‘Before Sunrise’

На первый взгляд, сопоставление произведений В. Набокова и М. Зощенко может показаться парадоксальным: «трудно найти писателя более чуждого Набокову, более далекого от него»¹. Разительно несхожи их репутации, художественные арсеналы и жанровые предпочтения, не говоря уже о биографических частностях, вроде места жительства или траектории литературной карьеры. Тем не менее сравнение некоторых аспектов их творчества кажется нам исключительно продуктивным: смеем надеяться, что таким образом удастся выявить некоторые характерные черты в развитии русской и зарубежной прозы XX века, которые остались бы в тени без такого нарочито заостренного, практически антагонистичного соположения.

В рамках этой работы мы собираемся выдвинуть предположение о том, какими принципами руководствовались Набоков и Зощенко, примеряя на себя те или иные стилистические маски, и выяснить, чем обусловлены разные автобиографические оптики, которыми они пользовались, художественно осмысляя свои жизни. Теоретическую основу нашего исследования составили работы М. Чудаковой, А. Жолковского, Ю. Щеглова, И. Сухих, Т. Ходжа, Г. Барабтарло, Б. Аверина, Б. Сарнова, М. Маликовой и других зощенковедов и набоковедов; художественную – многочисленные произведения обоих писателей разного периода.

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ МАСКИ: ЗОЩЕНКО И НАБОКОВ

Вопрос о языке – один из центральных для философии и искусства XX в. Ни в одну, кажется, культурную эпоху не было такого количества лингвистических дискуссий, в рамках которых обсуждались границы выражения смысла посредством слова. Что до собственно литературного творчества, то для некоторых исследователей, рассматривающих вершинные достижения мировой прозы и поэзии, очевидно: «стилистические особенности начинают самодовлеть и вытеснять собственно содержание»².

В этом ракурсе позиции Набокова и Зощенко противоположны друг другу. Подход первого можно рассматривать как консервацию русского языка в его символистском изводе – с незначительными и, как правило, ироническими вкраплениями новояза (особенно показателен русский перевод «Лолиты», где сохраняются архаичные и современные конструкции). Стратегия второго, напротив, характеризуется интересом к лексике и синтаксису советской эпохи: согласно своей программной установке («я всего лишь замещаю советского писателя»³), Зощенко не то «ставит», не то моделирует голос прежде «безъязыкой улицы»⁴.

¹ Сарнов Б. Ларец с секретом (О загадках и аллюзиях в русских романах В. Набокова). [электронный ресурс]: Журнальный зал. magazines.russ.ru/voplit/1999/3/sarnov.html (дата обращения: 05.04.2016).

² Руднев В. Принципы прозы // Словарь культуры XX века. [электронный ресурс]: Lib.ru. lib.ru/CULTURE/RUDNEW/slowar.txt (дата обращения: 08.04.2016).

³ Цит. по: Рубен Б. Зощенко. [электронный ресурс]: E-Reading. club. www.e-reading.club/chapter.php/1018371/19/Ruben_-_Zoschenko.html (дата обращения: 08.04.2016).

⁴ Маяковский В. Облако в штанах. [электронный ресурс]: Lib.ru. lib.ru/POEZIQ/MAYAKOWSKIJ/oblako.txt (дата обращения: 08.04.2016).

Основную задачу использования «чужого» слова вплоть до неразличения авторской позиции М. Чудакова видит в том, чтобы «воссоздать отчужденно от себя те словесные формы, в которые должна была бы <...> воплотиться «ураганная идеология» послереволюционных годов»¹. Отказываясь от собственного лица и передоверяя его «повествователю-непрофессионалу»², Зощенко вполне искренне искал способа радикального обновления отечественной литературной традиции, выхода за пределы устоявшейся сюжетики и проблематики, полагая, что «нельзя писать так, как будто в стране ничего не случилось»³.

В русле усложнения взаимоотношений автора и рассказчика, – связь между которыми оказывается более тесной, чем бы того хотелось даже самым благонамеренным защитникам писателя, – располагается знаменитая работа А. Жолковского «Поэтика недоверия»: анализируя ранние рассказы и позднюю повесть «Перед восходом солнца» Зощенко, он рассматривает его стилистическую маску как «защитный механизм смеха»⁴, который позволил автору «воплотить свои сокровенные темы в форме, доступной даже полуграмотному читателю»⁵, и «самому от них отстраниться»⁶.

Наконец, по мысли Ю. Щеглова, основной, инвариантной темой произведений писателя в 1920–1930-е гг. стала «некультурность» – нежелание и неспособность героев соответствовать прежним, дореволюционным представлениям о цивилизованном поведении. Она проявляется на нескольких уровнях – от языковой ткани («подчеркнуто устной, нелитературной и антилитературной»⁷) до композиции, развивающейся обыкновенно по двум моделям: (а) «провал культурных начинаний или надежд» или (б) «неспособность ответить на культурный вызов»⁸.

Напротив, герои Набокова – писатели и критики, редакторы и преподаватели, филологи и философы – по большей части искусные в искусстве люди: им несвойственно скрываться за «маской простоватости»⁹, а рассказчиков – даже самых трогательных, как повествователь в рассказе «Адмиралтейская игла», – сложно заподозрить в «демократичности»¹⁰. В этом измерении набоковская эстетика также полярна зощенковской: установка на отдельность, обособленность художника («искусство – это изгнание»¹¹), очевидно, противостоит ориентации на слог, «доступный бедным»¹², и морально-нравственной ангажированности творчества (см.

¹ Чудакова М. Поэтика Михаила Зощенко. М., 1979. С. 65.

² Там же. С. 71.

³ Цит. по: Сарнов Б. Пришествие капитана Лебядкина. Случай Зощенко. [электронный ресурс]: E-Reading. club. www.e-reading.club/chapter.php/50715/5/Sarnov_-_Prishestvie_kapitana_Lebyadkina_Sluchaii_Zoshchenko.html (дата обращения: 08.04.2016).

⁴ Жолковский А. Михаил Зощенко: поэтика недоверия. М., 1999. С. 17.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Щеглов Ю.К. Энциклопедия некультурности // Лицо и маска Михаила Зощенко / Сост. Ю.В. Томашевский. М., 1994. С. 231.

⁸ Щеглов Ю.К. Энциклопедия некультурности. С. 223

⁹ Щеглов Ю.К. Энциклопедия некультурности. С. 238.

¹⁰ Там же.

¹¹ «Я готов принять любой режим – если тело и разум будут свободны»: неизвестное интервью Владимира Набокова. [электронный ресурс]: Meduza. meduza.io/feature/2015/03/11/ya-gotov-prinyat-lyuboy-rezhim-esli-razum-i-telo-budut-svobodny (дата обращения: 08.04.2016).

¹² Цит. по: Томашевский Ю. Смех Михаила Зощенко // Зощенко М. Рассказы и фельетоны 1922–1945. Сентиментальные повести. М., 2003. С. 8.

«Послесловие» к «Голубой книге»: «нас трогает стремление к чистоте, к справедливости и общему благу»¹).

Но что, если «культурные» герои Набокова тоже, в сущности, маски, а их богатая литературными аллюзиями и престижными художественными (в пику зощенковским мещанам) ассоциациями речь, в известной степени, стилизация? Вспомним несколько формулировок из набоковских интервью, где речь заходит об иерархии «автор – повествователь – герой». Первая реплика прозвучала в разговоре с Г. Голдом: на вопрос, возможно ли, чтобы действующие лица набоковских произведений захватили власть над течением книги, писатель ответил: «Мои герои – рабы на галерах»². Второе высказывание не столь резко, но в каком-то смысле куда более показательное: уподобив себя Богу, а свои создания – Адаму и Еве, Набоков заметил, что «отстранен от своих героев и во время работы, и после»³. Заметим, что мэтр неоднократно прибегал к приему вторжения «антропоморфного божества»⁴, – вспомним устройство его поздних русских («Приглашение на казнь» в гностической интерпретации С. Давыдова) и американских («Под знаком незаконнорожденных», «Пнин», «Просвечивающие предметы», «Взгляни на арлекинов!») романов. Герои набоковских книг существуют – и, что немаловажно, пишут – как бы в присутствии более высокой эстетической инстанции, причем самые прозорливые из них: Цинциннат, Круг или Вадим Вадимович – догадываются о неуютном соседстве с «подлинным» автором. Мы предполагаем, что это справедливо (пусть и с некоторыми оговорками) и по отношению к заведомым авторским «любимчикам» – Севастьяну Найту или Федору Годунову-Чердынцеву. И английского прозаика, автора книг с претенциозными названиями вроде «Призматический фацет» или «Неясный асфодель», судя по описанию В., всего лишь имитирующих действительно оригинальную набоковскую технику, и русского эмигранта, обладающего не только могучим литературным даром, но и пышной растительностью (черта, которая у Набокова всегда – от «длинной и мохнатой спины»⁵ Горна в «Камере обскура» до небритости и «волосатой лапы»⁶ в «Просвечивающих предметах» – свидетельствует о гедонистичной бесчувственности), можно рассматривать в качестве «двойников, представителей, статистов»⁷, т. е. подставных фигур, не способных оспорить единоличную авторскую «тиранию». Станным образом, похожую – не буквально, но типологически – ситуацию можно наблюдать и у Зоценко: согласно М. Чудаковой сатирику удалось построить «образ «автора», освобожденного от всякой культуры и неизбежно спародированного в этом своем качестве наличием иного, подлинного автора, не проявляющегося в тексте непосредственно, но сотворяющего его»⁸. Единственная перестановка (не свобода, «варварство», но пропитанность культурой, ее романтическим и модер-

¹ Зоценко М. Голубая книга. СПб., 2012. С. 377.

² Набоков о Набокове и прочем / Сост. Н.Г. Мельников. М., 2002. С. 213.

³ «Я готов принять любой режим – если тело и разум будут свободны»: неизвестное интервью Владимира Набокова. [электронный ресурс]: Meduza. meduza.io/feature/2015/03/11/ya-gotov-prinyat-lyuboy-rezhim-esli-razum-i-telo-budut-svobodny (дата обращения: 08.04.2016).

⁴ Набоков В. Под знаком незаконнорожденных. [электронный ресурс]: Lib.ru. www.lib.ru/NABOKOW/bendsinister.txt_with-big-pictures.html#20 (дата обращения: 08.04.2016).

⁵ Набоков В. Камера обскура. СПб., 1997. С. 170.

⁶ Набоков В. Прозрачные предметы // Набоков В. Собр. соч.: В 5 т. Т. 5. СПб., 2004. С. 68.

⁷ Набоков В. Постскрипtum к русскому изданию // Набоков В. Лолита. СПб., 2015. С. 348.

⁸ Чудакова М. Поэтика Михаила Зоценко. М., 1979. С. 66.

нистскими кодами) – и получится формула, которую, на наш взгляд, стоит иметь в виду при рассмотрении архитектоники и набоковских произведений тоже.

**АВТОБИОГРАФИЧЕСКАЯ ПРОЗА:
«ПЕРЕД ВОСХОДОМ СОЛНЦА» и «ДРУГИЕ БЕРЕГА»**

Зощенковский и набоковский подступ к теме собственного прошлого можно с равным основанием называть метаморфозой – в обоих случаях имела место значительная языковая трансгрессия. Так, создание «Возвращенной молодости» и «Перед восходом солнца» с их прихотливой композицией не что иное, как «приближение к автобиографическому материалу и к серьезному слову»¹. Последняя повесть, в которой автор описал свою борьбу с хронической депрессией при помощи метода академика Павлова, была закончена во время Второй мировой войны: ее значительность, по Зоценко, состоит в том, что впервые в литературе были выведены «железные формулы (счастья. – *И.К.*), проверенные великим ученым»², и, кроме того, в ней явлены «торжество разума... наука... прогресс сознания»³, противостоящие «варварству... дикости... отказу от цивилизации»⁴. Но антифашистский пафос книги, тут и там рассеянные реплики об «искаженных, упрощенных, сниженных до уровня звероподобных людей»⁵ идеях гитлеризма не защитили это произведение от официальной критики: оказалось, что «свое» слово, которого столь долго ожидали от писателя, предстало как слово наиболее чужое»⁶.

В свою очередь Набоков при сочинении ранней версии своих воспоминаний, «Убедительного доказательства», всё еще находился в стадии мучительного («личная моя трагедия»⁷) перехода на английский язык: «память была настроена на один лад – музыкально недоговоренный русский, – а навязывался ей другой лад, английский и обстоятельный»⁸. Художественную задачу «Других берегов» – русской и ощутимо отличающейся от первоисточника версии мемуаров – Набоков видел в том, чтобы попытаться «дать Мнемозине не только волю, но и закон»⁹ и, особенным образом расположив претворенный жизненный материал, обнаружить «развитие и повторение тайных тем в явной судьбе»¹⁰.

Как видим, заявленная прагматика этих текстов во многом не совпадает: значительно разнится и инструментарий, выбранный каждым из авторов. Подход Зоценко заключался в том, что скрестить теорию физиологических рефлексов Павлова и самоанализ Фрейда: учеными доказано, что, несмотря на декларативный отказ от идей последнего («фрейдистские следы покорно выметаются павловской метлой»¹¹), толкование сновидений, интерес к младенческим годам и другие многочисленные методологические проговорки отсылают именно к концепциям австрийского психиатра. Иначе у Набокова: в своих письмах он сообщал об изо-

¹ Чудакова М. Поэтика Михаила Зоценко. С. 173.

² Зоценко М. Перед восходом солнца. СПб., 2012. С. 26.

³ Зоценко М. Перед восходом солнца. С. 22.

⁴ Там же.

⁵ Зоценко М. Перед восходом солнца. С. 259.

⁶ Чудакова М. Поэтика Михаила Зоценко. С. 174.

⁷ Набоков В. О книге, озаглавленной «Лолита» // Набоков В. Лолита. СПб., 2015. С. 344.

⁸ Набоков В. Другие берега. СПб., 2012. С. 6.

⁹ Набоков В. Другие берега. С. 5.

¹⁰ Там же.

¹¹ Ходж Т.П. Элементы фрейдизма в «Перед восходом солнца» Зоценко // Лицо и маска Михаила Зоценко / Сост. Ю.В. Томашевский. М., 1994. С. 270

бретении «нового типа» повествования («гибрид автобиографии и романа»¹): для него характерен «отбор и исследование тех элементов прошлого автора, которые «сформировали его личность как писателя»². Другими словами, автоописание должно быть осуществлено сугубо художественными средствами, а сам автобиографический нарратив оказывается изоморфным романному – с тем только замечанием, что на место вымысла заступает «абсолютная личная правда»³.

И если интерес к научному – психологическому и физиологическому – познанию личности вполне органичен для творческой эволюции Зощенко (его поздние тексты отличаются «параллелизмом психологических и литературных границ на разных уровнях сознания»⁴), то, по Набокову, сведение бытия к совокупности рефлексов и реакций, замешанных на детских комплексах, – опасный для искусства редукционизм. Широко известны его антифрейдистские высказывания: он уснащал ими свои интервью («фрейдизм... представляется мне одним из самых подлых обманов, которыми пользуются люди, чтобы вводить в заблуждение себя и других»⁵), предисловия («ученики венского шамана будут гнусно хмыкать по этому поводу в своем абсурдном мире общинной вины и progressively воспитания»⁶) или пародировал в литературных произведениях («всякий младенец мужского пола одержим страстным желанием оскопить отца и ностальгическим стремлением вернуться в утробу матери»⁷). Не вдаваясь, вслед за А. Элмсом («он ненавидел Фрейда потому, что они были так похожи»⁸) и Д. Коэнном («набоковская воинственность побуждалась глубоким уважением к работам Фрейда и... агрессивная риторика и бичующие выражения скрывают истинный ход набоковского мышления»⁹), в причины, побуждавшие Набокова с такой поразительной частотой третировать психоанализ, обратим внимание лишь на то, что он был прекрасно знаком с тезаурусом этого учения вплоть до деталей¹⁰. В то же время писателя нельзя упрекнуть в небрежении строгим знанием и предпочтении ему расплывчатой художественной истины: напротив, от работ своих американских студентов он требовал «страсти науки и точности поэзии»¹¹. Вспомним и о вполне серьезном – на высочайшем академическом уровне – увлечении Набокова энтомологией. Очевидно, что фрейдизм не отвечал его требованиям чистой науки (как не удовлетворял он авторитетному «демаркационистскому принципу фальсификации» К. Поппера¹²), и потому не мог рассматриваться им в качестве сколько-ни-

¹ Цит. по: *Маликова М. В.* Набоков. Авто-био-графия. СПб., 2002. С. 22.

² Там же. С. 23.

³ Там же.

⁴ *May R.* Superego as Literary Subtext: Story and Structure in Mikhail Zoshchenko's Before Sunrise // *Slavic Review*. Vol. 55, No 1 (Spring, 1996). P. 108.

⁵ Набоков о Набокове и прочем / Сост. Н.Г. Мельников. М., 2002. С. 123.

⁶ Предисловие к английскому переводу романа «Приглашение на казнь» // В.В. Набоков: Pro et contra. Т. 1. СПб., 1997. С. 42.

⁷ *Набоков В.* Пнин. [электронный ресурс]: E-Reading. club. www.e-reading.club/bookreader.php/81959/Nabokov_-_Pnin_%28Varabtarlo%29.html (дата обращения: 09.04.2016).

⁸ Цит. по: *Кунин А.* Обманчивая ткань реальности. Набоков и наука. [электронный ресурс]: Лит-Бук. litbook.ru/article/7364 (дата обращения: 09.04.2016).

⁹ Там же.

¹⁰ В частности, А. Кунин в своей статье приводит эпизод с опечаткой («кронпринц – корнпринц – кнорпринц») в «Толковании сновидений» и явную аллюзию на него в «Бледном огне» («корона – «ворона» – корова»).

¹¹ *Nabokov V.* Strong Opinions. N.Y.: Vintage Books, 1990. P. 7.

¹² *Поппер К.* Логика и рост научного знания. М., 1983. С. 29.

будь стоящего аппарата, которым можно было бы пользоваться при кропотливом исследовании узоров собственной судьбы – в отличие от, скажем, «акта тотального воспоминания»¹ с его кумулятивной и одновременно освобождающей силой.

В заключение следует сказать о той роли, которую воспоминания Зощенко и Набокова играют при оценке их общего наследия. В первом случае можно уверенно говорить о возможностях пересмотра «игриво-амбивалентного чтения наивной советской морали»² ранних рассказов в свете зрелого «однозначно-авторитетного слова»³, свойственного «Перед восходом солнца». Зощенко, по-видимому, не избежал участи многих русских писателей и в определенный момент обратился к прямолинейной «исповеди-проповеди... призванной исцелить автора и указать путь спасения если не всему человечеству, то каждому отдельному человеку»⁴. Совместить два несхожих образа (дидакта и комика) – задача, уже отчасти решенная зощенковедом (взять хотя бы работы много цитировавшихся здесь М. Чудаковой и А. Жолковского). Что до Набокова, то его автобиографический проект едва ли может предложить ученому новую линзу, сквозь которую его тексты предстанут в неожиданных очертаниях. В сущности, «Убедительное доказательство», «Другие берега» и «Память, говори» работают на закрепление и без того устойчивого мотивного комплекса его сочинений (или, если угодно, «русского метаромана»⁵), перенося художественные принципы «блаженства творческой игры»⁶ на автобиографическую прозу. Впрочем, определенный исследовательский потенциал представляет параллельное чтение набоковских мемуаров и «детских» и «отроческих» страниц его фикшн: помимо чисто филологического удовольствия, которое обыкновенно приносит обнаружение пересечений и расхождений в подобных исключительно просчитанных конструкциях, набоковеды смогут с большей уверенностью соотнести «автобиографические» фигуры с их создателем.

Наконец, небезынтересно будет сравнить эти тексты с воспоминаниями других важных для обоих авторов писателей. В поле более широкого сопоставления должны войти «Книга прощания» Ю. Олеши и «Охранная грамота» Б. Пастернака, «Шум времени» О. Мандельштама и «Между двух революций» А. Белого, «Курсив мой» Н. Берберовой и «Воспоминания» И. Бунина. На таком широком и эстетически неоднородном материале можно будет лучше увидеть, как главные русские писатели первой половины прошлого века осмысливали частную и общую историю России и определить типологические и индивидуальные явления в подходе к собственному жизнеописанию.

¹ *Аверин Б.* Гений тотального воспоминания. О прозе В. Набокова. [электронный ресурс]: Журнальный зал. magazines.russ.ru/zvezda/1999/4/averin.html (дата обращения: 10.04.2016).

² *Жолковский А.* Зеркало и зазеркалье: Лев Толстой и Михаил Зощенко // Блуждающие сны и другие работы. М., 1994. С. 131.

³ Там же.

⁴ *Сухих И.* «Перед восходом солнца»: история против психологии // Зощенко М. Перед восходом солнца. СПб., 2012. С. 8.

⁵ *Ерофеев В.* В поисках потерянного рая. [электронный ресурс]: Журнал «Самиздат». samlib.ru/v/victor_v_e/v_poiskax_aya.shtml (дата обращения: 10.04.2016).

⁶ *Ухова Е.* Призма памяти в романах Владимира Набокова. [электронный ресурс]: Журнальный зал. magazines.russ.ru/voplit/2003/4/uhov.html (дата обращения: 10.04.2016).

ЛИТЕРАТУРА

Аверин Б. Гений тотального воспоминания. О прозе В. Набокова. [электронный ресурс]: Журнальный зал. magazines.russ.ru/zvezda/1999/4/averin.html (дата обращения: 10.04.2016).

Ерофеев В. В поисках потерянного рая. [электронный ресурс]: Журнал «Самиздат». samlib.ru/v/victor_v_e/v_poiskah_raya.shtml (дата обращения: 10.04.2016).

Жолковский А. Михаил Зощенко: поэтика недоверия. М.: Школа «Языки русской культуры». 1999. 392 с.

Зеркало и зазеркалье: Лев Толстой и Михаил Зощенко // Жолковский А. Блуждающие сны и другие работы. М.: Наука. Восточная литература, 1994. С. 122–138.

Зощенко М. Голубая книга. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. 416 с.

Зощенко М. Перед восходом солнца. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. 352 с.

Кунин А. Обманчивая ткань реальности. Набоков и наука. [электронный ресурс]: Лит-Бук. litbook.ru/article/7364 (дата обращения: 09.04.2016).

Маликова М. В. Набоков. Авто-био-графия. СПб.: Академический проект, 2002. 234 с.

Маяковский В. Облако в штанах. [электронный ресурс]: Lib.ru. lib.ru/POEZIQ/MAYA-KOWSKIJ/oblako.txt (дата обращения: 08.04.2016).

Набоков В. Другие берега. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. 288 с.

Набоков В. Камера обскура. СПб.: Азбука, 1997. 192 с.

Набоков В. Лекции по русской литературе. СПб.: Азбука-Классика, 2010. 448 с.

Набоков В. Пнин. [электронный ресурс]: E-Reading. club. www.e-reading.club/bookreader.php/81959/Nabokov_-_Pnin_%28Varabtarlo%29.html (дата обращения: 09.04.2016).

Набоков В. Под знаком незаконнорожденных. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2015. 256 с.

Набоков В. Постскрипtum к русскому изданию // Набоков В. Лолита. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2015. С. 345–348.

Набоков В. Прозрачные предметы // Набоков В. Собр. соч.: В 5 т. Т. 5. СПб., 2004. С. 8–98.

Набоков о Набокове и прочем / Сост. Н.Г. Мельников. М.: Независимая газета, 2002. 704 с.

Набоков В. О книге, озаглавленной «Лолита» // Набоков В. Лолита. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2015. С. 337–344.

Поппер К. Логика и рост научного знания. М.: Прогресс, 1983. 605 с.

Предисловие к английскому переводу романа «Приглашение на казнь» // В.В. Набоков: Pro et contra. Т. 1. СПб.: Издательство Русского Христианского гуманитарного института, 1997. С. 40–42.

Руднев В. Принципы прозы // Словарь культуры XX века. [электронный ресурс]: Lib.ru. lib.ru/CULTURE/RUDNEW/slowar.txt (дата обращения: 08.04.2016).

Рубен Б. Зощенко. [электронный ресурс]: E-Reading. club. www.e-reading.club/chapter.php/1018371/19/Ruben_-_Zoschenko.html (дата обращения: 08.04.2016).

Сарнов Б. Ларец с секретом (О загадках и аллюзиях в русских романах В. Набокова). [электронный ресурс]: Журнальный зал. magazines.russ.ru/voplit/1999/3/sarnov.html (дата обращения: 05.04.2016).

Сарнов Б. Пришествие капитана Лебядкина. Случай Зощенко. [электронный ресурс]: E-Reading. club. www.e-reading.club/chapter.php/50715/5/Sarnov_-_Prishestvie_kapitana_Lebyadkina._Sluchaii_Zoshchenko.html (дата обращения: 08.04.2016).

Томашевский Ю. Смех Михаила Зощенко // Зощенко М. Рассказы и фельетоны 1922–1945. Сентиментальные повести. М.: Олма-Пресс, 2003. С. 4–11.

Ухова Е. Призма памяти в романах Владимира Набокова. [электронный ресурс]: Журнальный зал. magazines.russ.ru/voplit/2003/4/uhov.html (дата обращения: 10.04.2016).

Ходж Т.П. Элементы фрейдизма в «Перед восходом солнца» Зощенко // Лицо и маска Михаила Зощенко / Сост. Ю.В. Томашевский. М.: Олимп-ППП, 1994. С. 254–279.

Чудакова М. Поэтика Михаила Зощенко. М.: Наука, 1979. 198 с.

Щеглов Ю.К. Энциклопедия некультурности // Лицо и маска Михаила Зощенко / Сост. Ю.В. Томашевский. М.: Олимп-ППП, 1994. С. 218–238.

«Я готов принять любой режим – если тело и разум будут свободны»: неизвестное интервью Владимира Набокова. [электронный ресурс]: Meduza. meduza.io/feature/2015/03/11/ya-gotov-prinyat-lyuboy-rezhim-esli-razum-i-telo-budut-svobodny (дата обращения: 08.04.2016).

May R. Superego as Literary Subtext: Story and Structure in Mikhail Zoshchenko's Before Sunrise // Slavic Review. Vol. 55. No 1 (Spring, 1996), pp. 106–124.

Nabokov V. Strong Opinions. N.Y.: Vintage Books, 1990. 368 p.

REFERENCES

Averin B. The Genius of Total Recall. On V. Nabokov's Prose. [electronic resource]: Zhurnalnyj Zal. magazines.russ.ru/zvezda/1999/4/averin.html (date of access: 10.04.2016).

Profeev V. In Search of the Lost Paradise. [electronic resource]: «Samizdat» Magazine. samlib.ru/v/victor_v_e/v_poiskax_raya.shtml (date of access: 10.04.2016).

Zholkovsky A. Mikhail Zoshchenko: The Poetics of Distrust. Moscow. Shkola «Yazyki Russkoy Kultury» Publ. 1999. 392 p.

The Mirror and the Through Looking Glass: Leo Tolstoy and Mikhail Zoshchenko. In: Zholkovsky A. Wandering Dreams and Other Works. Moscow. Nauka Publ. 1994, pp. 122–138.

Zoshchenko M. (2012) The Blue Book. St.-Peterburg. Azbuka, Azbuka-Attikus Publ. 416 p.

Zoshchenko M. (2012) Before Sunrise. St.-Peterburg. Azbuka, Azbuka-Attikus Publ. 352 p.

Kunin A. Deceptive Texture of Reality. Nabokov and Science. [electronic resource]: LitBuk. litbuk.ru/article/7364 (date of access: 09.04.2016).

Malikova M. (2002) V. Nabokov. Auto-bio-graphy. St.-Peterburg. Akademichesky Proekt Publ. 234 p.

Mayakovskiy V. A Cloud in Trousers. [electronic resource]: Lib.ru. lib.ru/POEZIQ/MAYAKOVSKIJ/oblako.txt (date of access: 08.04.2016).

Nabokov V. (2012) Other Shores. St.-Peterburg. Azbuka, Azbuka-Attikus Publ. 288 p.

Nabokov V. (1997) Camera Obscura. St.-Peterburg: Azbuka Publ. 192 p.

Nabokov V. (2010) Lectures on Russian Literature. St.-Peterburg: Azbuka-Klassika Publ. 448 p.

Nabokov V. Pnin. [electronic resource]: E-Reading. club. www.e-reading.club/bookreader.php/81959/Nabokov_-_Pnin_%28Barabtarlo%29.html (date of access: 09.04.2016).

Nabokov V. (2015) Bend Sinister. St.-Peterburg: Azbuka, Azbuka-Attikus Publ. 256 p.

Nabokov V. Transparent Things. In: Nabokov V. The Collected Works: In 5 vols. Vol. 5. St.-Peterburg. Simpozium Publ. 2004, pp. 8–98.

Nabokov on Nabokov and the Other / Rev. by N.G. Melnikov. Moscow. Nezavisimaya Gazeta Publ. 2002. 704 p.

Nabokov V. On a Book Entitled Lolita. In: Nabokov V. Lolita. St.-Peterburg. Azbuka, Azbuka-Attikus Publ. 2015, pp. 337–344.

Nabokov V. A Postscript to the Russian Edition of Lolita. In: Nabokov V. Lolita. St.-Peterburg. Azbuka, Azbuka-Attikus Publ. 2015, pp. 345–348.

Popper K. Logik der Forschung. Herausgegeben von Herbert Keuth. Berlin. Akademie Verlag. 2007. 270 S.

Prefaceto the English Translation of Invitation to a Beheading. In: V.V. Nabokov: Pro et contra. Vol. 1. St.-Peterburg: Russian Christian Humanitarian Institute Press. 1997, pp. 40–42.

Ruben B. Zoshchenko. [electronic resource]: E-Reading. club. www.e-reading.club/chapter.php/1018371/19/Ruben_-_Zoschenko.html (date of access: 08.04.2016).

Rudnev V. The Principles of Prose. In: The Dictionary of Twentieth Century Culture. [electronic resource]: Lib.ru. lib.ru/CULTURE/RUDNEW/slowar.txt (date of access: 08.04.2016).

Sarnov B. The Chest with Secrets (On Mysteries and Allusions in Russian Novels of Vladimir Nabokov). [electronic resource]: Zhurnalnyj Zal. magazines.russ.ru/voplit/1999/3/sarnov.html (date of access: 05.04.2016).

Sarnov B. The Advent of Captain Lebyadkin. The Case of Zoshchenko. [electronic resource]: E-Reading. club. www.e-reading.club/chapter.php/50715/5/Sarnov_-_Prishestvie_kapitana_Lebyadkina._Sluchaii_Zoshchenko.html (date of access: 08.04.2016).

Tomashevskij Y. The Laugh of Mikhail Zoshchenko. In: Zoshchenko M. Short Stories and Pamphlets. 1922–1945. Sentimental Novellas. Moscow. Olma-Press, 2003. pp. 4–11.

Ukhova E. The Prism of Memory in Novels of Vladimir Nabokov. [electronic resource] Zhurnalnyj Zal. magazines.russ.ru/voplit/2003/4/uhov.html (date of access: 10.04.2016).

Hodge T.P. Freudian Elements in Zoshchenko's Pered voskhodom solntsa. In: The Face and the Mask of Mikhail Zoshchenko / Rev.by Y.V. Tomashevsky. Moscow. Olimp-PPP Publ. 1994, pp. 254–279.

Chudakova M. (1979) Mikhail Zoshchenko Poetics. Moscow. Nauka Publ. 198 p.

Scheglov Y.K. The Encyclopedia of Ignorance. In: The Face and the Mask of Mikhail Zoshchenko / Rev. by Y.V. Tomashevsky. Moscow. Olimp-PPP Publ. 1994, pp. 218–238.

«I'm Ready to Accept Any Regime – if Body and Mind are Free»: the Unknown Interview with Vladimir Nabokov. [electronic resource]: Meduza. meduza.io/feature/2015/03/11/ya-got-ov-prinyat-lyuboy-rezhim-esli-razum-i-telo-budut-svobodny (date of access: 08.04.2016).

May R. Superego as Literary Subtext: Story and Structure in Mikhail Zoshchenko's Before Sunrise. *Slavic Review*. Vol. 55. No 1 (Spring, 1996), pp. 106–124.

Nabokov V. (1990) Strong Opinions. N.Y. Vintage Books. 368 p.

Сведения об авторе:
Игорь Демьянович Кириенков
магистрант
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Igor D. Kirienkov
Master's Degree student
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
ig.kirienkov@gmail.com